

Справедлив ли Бог?

Протоиерей Алексей Уминский

Наверное, трудно назвать Бога справедливым. Даже невозможно. Божественной справедливости мы не замечаем. Да мы и не ищем у Бога никакой справедливости. Мы ищем у Него милости.

Там, где есть милость и любовь, не может быть справедливости. Справедливость должна быть на суде. Когда есть суд, рассуждение, когда каждому – по делам его, когда каждому – по заслугам его...

А вот у Бога справедливости просить невозможно. Даже царь Давид в своем псалме говорит: «Суди ми, Господи, по правде моей, и по незлобе моей на мя» (Пс. 7:9). Не «по Твоей правде», потому что перед правдой Божией никто устоять не может. Поэтому мы не к справедливости Божественной обращаемся, а к Его безграничной милости и любви.

Считать, что Бог посылает нам скорби, несчастья и этим как бы воздает Свою справедливость – глубочайшая ошибка. Бог не посылает скорби, зло, болезни, несчастья. Как можно вообще так подумать, что Бог может послать кому-то несчастье! Это противоречит Его божественной природе. Бог не радуется даже о страданиях грешников.

И то, что происходит с людьми на земле в качестве наших скорбей и страданий, не является тем, что Бог нам посылает. Я бы сказал, что эти вещи в нашей жизни встречаются нами. Встречаются как последствия человеческой злобы и греха, которыми мир искажен.

Мир лежит во зле. Поэтому мир тоже к справедливости никакого отношения не имеет. Можно даже сказать, что справедливость – это категория почти неуловимая. Это чело-

веческая категория, выработанная нашими условиями. Что справедливо? Око за око, зуб за зуб? Это справедливо с точки зрения морали, когда ты не можешь требовать большего.

Если тебе выбили один зуб, значит, по справедливости, ты должен выбить не более одного. Если тебе выкололи один глаз, то по

справедливости ты не можешь претендовать на то, чтобы вырвать у твоего врага два глаза.

Этой справедливости человечество ищет и добивается? Нет, все равно везде и всегда человек ищет милости, сочувствия, понимания. И в этом нет справедливости.

Крещение Христа на Иордане. Приходит толпа грешников: фарисеев, солдат... Толпа разных людей, по-разному согрешающих, по-разному требующих очищения. И приходит невинный Христос.

Остальные устремляются сюда, чтобы исповедовать свои грехи, то есть открыть свои болезни, свою несправедливость, свою неправду, несправедность. С тем, чтобы омыться в Иордане, получить прощение и приготовиться к пришествию Мессии.

Тут появляется Христос, который к ним вроде бы никакого отношения не имеет.

встречаются скорби, боль, страдания, несчастья, рядом с нами оказывается Христос. Если мы дадим Ему возможность присутствовать с нами в скорбях и болезнях, то Он тут же с нами и окажется и разделит с нами весь этот ужас в жизни, в мире несправедливом, в мире, который лежит во зле.

Несчастья и скорби встречаются в нашей жизни не потому, что кто-то их заслужил. Если бы было так, то Бога можно было бы назвать Богом справедливости. Тогда злые люди должны были бы умирать от страшных болезней, а добрые должны были бы быть счастливыми, богатыми, очень здоровыми и вообще никогда не умирать.

Но так не может быть, потому что если бы была Божественная справедливость в этом мире, то спасения не было бы никому. Потому что по справедливости, по правде, все

Перед правдой Божией никто устоять не может. Поэтому мы не к справедливости Божественной обращаемся, а к Его безграничной милости и любви.

Вдруг Он говорит Иоанну Крестителю, который отказывается Его крестить: «Оставь ныне, ибо так надлежит исполнить всякую правду». В чем же правда состоит? Правда Бога по отношению к этим людям?

Должник по правде должен отдавать долги, вор, украв, должен сидеть, и так далее – каждый должен как-то правде удовлетворить. Но разве Христос с этой правдой приходит в мир? Он берет всю неправду мира на себя. Он берет на себя все грехи мира как раз в этот момент, когда говорит, что Ему «надлежит исполнить всякую правду».

Можно ли Его обвинять в том, что он посылает нам страдания, несчастья, скорби?! И говорить, что через это Его любовь исполняется? По-моему, это величайшая ересь, которую только можно высказать.

Другое дело, когда нам в нашей жизни

очень грешные. И наши добрые дела, добрые характеры являются, собственно говоря, не нашей заслугой, а часто просто Его дарами и милостью по отношению к нам.

Поэтому – мир несправедлив и в лучшем смысле этого слова, и в худшем смысле. В худшем – потому, что он лежит во зле, и здесь правит зло, неправда, несправедливость. В падшем мире – законы падшего мира. С другой стороны – это благо. Бог милосерден, и поэтому Его любовь покрывает любую правду и любую справедливость. Потому что она выше и значительно лучше.

*Публикуется в сокращении
www.pravmir.ru*

Евангельское чтение

О мытаре и фарисее (Лк. 18:10-14)

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь.

Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю.

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится.

Проповедь на Евангельское чтение

Митрополит Антоний Сурожский

Как весна, грядет на нас Великий Пост, как возрождение, как радость новой жизни, как обновление; и образ за образом проходят перед нами люди евангельские, которые являют нам, что стоит между нами и жизнью, жизнью вечной, открывающейся уже здесь, на земле, как радость, как торжество, как познание Живого Бога.

Сегодняшний образ – мытарь и фарисей – ясен, и вместе с тем трудно нам осуществить то, что нам так ясно: обрести добродетели фарисея и не приобрести в то же время его надменности. И, с другой стороны, прийти – не просто по сознанию нашей греховности, а глубже, по изумлению перед величием и красотой Бога – прийти в тот строй покаяния, сокрушения,

который и есть евангельский строй мытаря.

Две вещи поражают в фарисее: с одной стороны, его надменность, его гордыня, а с другой стороны то, что он в себе так ошибается. Он на самом деле добродетелен, он на самом деле не хищник, не прелюбодей, не вор, как будто даже не обманщик, он на самом деле человек, который по строжайшей своей совести старается жить согласно воле Божией. И все это напрасно, ибо он ничего не приобретает из того, что является Божиим строем души. Потому что Бога нашего мы ведь знаем в Его бесконечном терпении, в Его кротости, в Его милосердии, в Его предупредительности, в Его смирении.

И вот фарисей стоит: он вошел в храм, как ►

иногда мы входим в храм, зная, какое наше место там; вошел твердо, убежденно, стал перед Богом и благодарит – и прав, что благодарит... Только беда в том, что он не благодарит Бога за то, что Бог его защищает настолько, что ему удается жить по-человечески, а благодарит за то, что он сам такой выдающийся, замечательный человек.

А кто из нас этого не делает? Не с такой наглостью, как будто, на самом же деле с такой же дерзостью. Когда мы находимся среди друзей и хвастаемся, и стараемся им показать, как мы удачливо, умно, умело, благородно поступили – что мы делаем? То же самое, что фарисей, только как бы ступенью ниже. Он хоть Божие благоволение хотел стяжать, причем большим трудом, подвигом, а мы без всякого подвига, без всякого особенного труда хотим, чтобы нас похвалили люди, не заботясь о том, что Бог об этом думает, не заботясь о том, что совесть об этом говорит, довольные собой. Какой позор, как стыдно! И на самом деле бывает стыдно, когда мы уйдем, вернемся к себе, если представим себе, какие мы были смешные, как мы подлизывались к нашим друзьям, чтобы только получить подачку, чтобы они сказали или сделали вид, что – да, мы замечательны. Как это низко и недостойно нас! Это хуже фарисея: тот, повторяю, хоть был добродетельным на самом деле, а мы – нет.

И вот, в противовес этой кажущейся добродетели, этой лжедобродетели – мытарь. Он на самом деле плох, – и в этом отношении мы все могли бы думать о себе одинаково: мы все плохи, и во многом. Если подумать о том, что мы называем себя христианами, и представить себе разницу между Евангелием и нами – кто посмеет войти и встать перед Богом? А все-таки входим, потому что знаем, какой у нас изумительный Бог, сколько в Нем тепла, любви, ласки и терпения, и сколько Он готов положить труда на то, чтобы мы стали людьми, а потом, даст Бог, и христианами. Мы

такие же, как мытарь, лишены добра и добродетели, но мы в одном с ним разнимся. Мы не стоим у притолоки церковной, мы не бьем себя в грудь; мы смеем поднять глаза к Богу, мы смеем к Нему идти в молитве, мы смеем идти к Нему в Причастии. Все мы смеем...

И вот почти на границе наступающего уже Поста перед нами образ этих двух людей. Говорит молитва церковная: Фарисеева убежим высокоглаголения, мытаря же низкоглаголение научимся стяжать... Не в одних словах, конечно, дело, а в высокомерии, которое в нас есть, и в смирении, которого у нас нет. И перед нами две задачи: не только осознать себя греховными и плакаться перед Богом – этого мало; но осознать себя греховными и взять себя в руки, и сделать над собой усилие, и коли Господь допустил называться именем Его – христианами – попробовать быть достойными этого Его удивительного смирения. Братьями Он нас называет: нас-то! И, с другой стороны, нам надо научиться понимать, что при всем нашем усилии, это все же только усилие, а помощь, а успех, а дары – только от Бога. И лишь соединение в себе подвига одного и смирения другого может нас сделать христианами.

Вдумаемся хотя бы в продолжении наступающей недели в то, что мы собой представляем, чем мы похожи на фарисея, переберем тех друзей, те обстоятельства, места, где мы себя проявляем иногда – и начнем меняться. А когда придем в храм – будем помнить, что только Божией милостью, только Его жалостью и терпением мы можем здесь стоять. По достоинству нам нет здесь места, И тогда поплачем в сердце, опять-таки не надменно, не напоказ, а в сердце. Пусть станет нам стыдно и жалко; и если станет достаточно стыдно и достаточно жалко, может быть, и мы подвижнемся, как блудный сын, войти в себя, встать и пойти к Отцу, к Богу. Аминь.

Святые – кто они? Окончание

Священник Константин Пархоменко

– У каждого человека есть несколько любимых святых. К ним чаще обращаешься в молитве, им ставишь свечи. Но в храме много других икон, разных святых - еще больше. Не «обижаем» ли мы своим невниманием других? Существует мнение, что все святые вместе с Богородицей составляют на небе как бы единое тело, которое воспевает Бога и молится Ему. Какой смысл подходить именно к «своим» иконкам? Какой смысл, вообще, кроме собственной привычки, несет обычай прикладываться к иконам и зажигать перед ними свечу? Часто можно услышать: «Вот, сходила в церковь перед экзаменом, поставила свечку, и хорошо сдала».

– Начну с последнего. В отношении к Богу не должно быть никакого магии. Не поставила этому святому свечу, не сделала поклона, не поцеловала икону – накажет, перестанет помогать. Подобное отношение недостойно христианина. Мы должны понимать, что прежде всего Богу нужно наше горячее желание быть подлинными христианами. Господь знает наши жизненные обстоятельства, кто какую имеет нагрузку, кто какую имеет возможность молиться и прочее. Поэтому мы должны искренне не лениться посещать богослужения, стараться молиться, учиться этому... Но если не смогли, опоздали по не зависящей от нас причине, Господь никогда не прогневается.

Однако в нас все-таки очень живуче магическое отношение к Церкви. Если студенту раз помогла свечка, он будет думать, что стоит не поставить свечку, сразу завалит экзамен.

Расскажу один случай. У нас в храме

Духовной Семинарии накануне каждого экзамена, для желающих служитя молебен перед чудотворной иконой Божией Матери. Так мы просим Богородицу помочь нам успешно экзаменоваться. Один мой знакомый семинарист, мой однокурсник, как-то понял, что он стал внутренне зависеть от этих молебнов. Он боялся, что если пропустит такой молебен - сдаст плохо. И тогда он на какое-то время перестал ходить на молебен. Молился в своей комнате, просил о помощи, но на молебен не ходил. Через какое-то время, когда он понял, что внутренне освободился от страхов, опять стал ходить на молебен. Но мы отвлеклись. Вопрос в том, почему мы выделяем каких-то святых?.. В этом нет ничего плохого или странного. Многие святые близки нам своим душевным складом, характером, темпераментом, церковным служением, аскетическими подвигами. Конечно, к таким святым мы испытываем особенное влечение. Нам хочется знать о них, прочитать житие, молитвенно общаться с ними.

В моей жизни было много таких драгоценных для меня открытий. Это, конечно, св. праведный отец Иоанн Кронштадский, блаженная Ксения, преподобный Серафим Саровский, преп. Сергей Радонежский. Когда я поступил в Семинарию, я испытал большую помощь духовного покровителя нашей Семинарии и Академии апостола Иоанна Богослова. На втором курсе Духовной Семинарии я взял в руки книгу о преподобном Симеоне Новом Богослове и просто «влюбился» в этого человека. То же самое могу сказать о царе и псалмопевце Давиде, мученике Иустине Философе, свв. Иоанне Златоусте, Григории Богослове, Максиме Исповеднике, Григории Паламе, блаженной Матроне, многих других.

Своим «вниманием» к одним святым, мы, конечно, не обижаем других святых. Там, где пребывают святые, не бывает мелочных обид, уязвленной гордости и проч. Но, конечно, если мы как-то особенно выделяем одних святых, не следует забывать, что каждый святой Церкви - уникальная и прекрасная, созревшая для Бога личность. Следует стремиться узнать и о других святых, изучить их жизнь, взглядеться в черты их подвига.

– Что значит «сильный» святой? То есть предполагается, что есть «не очень сильные»? У меня дома есть маслице от мощей преподобного Александра Свирского. Это маслице действительно обладает сильным, явно выраженным лечебным свойством. Но не с любым маслицем замечаешь такое действие.

Любая святыня может принести нам духовную пользу, если мы принимаем ее с благоговением. И никакая святыня, даже самая величайшая, не сможет растопить лед, если человек этого не хочет

Почему так происходит?

– Такого понятия, как «сильный» святой, в православной Церкви нет. Всякий святой, если мы искренне обращаемся к нему за помощью – помогает. То же самое можно сказать и о святом елее (масле) от мощей или лампы святого, о каких-то святых предметах.

Тут тоже могу пример привести из своей семинаристской юности. Вдруг у меня началась экзема. Я не знал, что делать. Она распространялась все дальше и дальше, уже целые участки кожи забирала. А у моего друга было масло с Афона, от какой-то чудотворной иконы Богородицы. Он его просто в банке стеклянной хранил. Я ему говорю: «Слушай, дай масло». Я сходил

на акафист Богородице, помолился, потом дома так особенно, «духовно» поужинал, помазал этим маслом пораженные места и лег спать. А со следующего дня у меня началось явное улучшение. Тогда это меня очень потрясло...

Но, конечно, сейчас я стараюсь редко использовать святые предметы, только в крайних случаях.

Великую благодать может принести любая крошка, капля святыни. И напротив, можно иметь дома десятки частиц мощей, елей, святую воду, а никакой духовной пользы это не принесет, если мы не будем стремиться всем сердцем, всей душой, всей крепостью своей к Богу.

После революции в ГПУ был создан специальный отдел по борьбе с религией. Возглавлял его Е. Тучков. Этот чело-

век причинил Церкви громадное зло, он осудил на смерть сотни ныне прославленных в лике святых новомучеников. Заметьте, – встречи с людьми, хоть одна из которых была бы для нас великой честью, духовным откровением, на Тучкова не оказали никакого влияния. Его сердце пылало ненавистью к Богу и Церкви и было закрытым для благодати. В общем, любая святыня может принести нам духовную пользу, если мы принимаем ее с благоговением. И никакая святыня, даже самая величайшая, не сможет растопить лед, если человек этого не хочет, ведь Бог уважает нашу свободу...

www.foma.ru

Учиться любовью. Часть 1

Матука Галина Соколова

Матушка Галина Соколова – вдова известного московского священника протоиерея Феодора Соколова, трагически погибшего в 2000 году. Она растит девятерых детей (старшей дочери было 17, когда отец Феодор погиб), у нее уже много внуков.

Из письма дочке

«Что для влюбленного молодого человека, что уже для мужа нежность бесконечно приятна. Она дает радость и любовь, и вы больше и больше будете любить друг друга и жить легко и счастливо. Вы будете друг для друга, чувствовать один другого на полуслове – душой, сердцем.

Развивай в себе заботу о нем, жертвенность, уступчивость, миролюбие, уважение и даже почтение. Когда любишь, то все это – радостно и желанно твоему сердцу. Угодить любящему ты – значит, угодить Богу. От этого сердце и душа наполняются неизъяснимой радостью, хочется летать от счастья. Когда любишь, кажется, он живет телом и душой в тебе. Это и есть счастье мужа и жены – когда он говорит: «Я весь для нее», а она: «Я вся для него».

Кризисы

Что можно посоветовать молодым семьям, чтобы между ними не было кризисов? Как их преодолеть? Одним словом-то и не скажешь... Каждая семья – отдельная малая церковь, разные люди из разных семей, у них разные характеры, устои. Как они росли? какое у них было детство? Все это значимо.

Я помню, как было в моей семье. Рассказываю о своем опыте дочкам, готовлю их к семейной жизни – не когда они замуж выходят, а в течение долгого времени, с начала подросткового возраста. Это не какие-то «курсы подготовки к замужеству», а рассказ о воплощении семейного опыта в жизни: как вести хозяйство, как хранить семью, как относиться к мужу, как его беречь, как любить его маму.

Побеждает уступчивый

– Матушка, а кто должен уступать – муж или жена?

– Конечно, оба. Здесь нельзя делить: кто-то больше, кто-то меньше. Каждый всегда идет навстречу. Федюша вообще всегда говорил: кто первый уступает, неважно, прав он или неправ – тот и побеждает. Но в сердце не должно быть чувства: «Я сейчас первая пойду и я буду победителем». Нет, ты первой уступаешь, потому что ты его любишь и хочешь, чтоб скорей опять можно видеть улыбку, радость, обнять и поцеловать тысячу раз! Подойдешь к нему или к ней, скажешь слово примирения, улыбнешься, обнимешь – и все становится хорошо!

Жертва ради семьи

Федюша говорил, что семья без жертвенности невозможна. Человек до свадьбы принадлежал только себе, имел какие-то привычки – проводить время с друзьями, ходить на футбол, в театр, в какой-то клуб, в походы, имел другие увлечения, мог запросто куда-то собраться и махнуть. ►

Но если ты решаешь вступить в брак, то привычки свои поставь на последнее место. Ты отдаешь себя в руки этому человеку, ты его любишь от всего сердца, от всей души, от всей своей мысли. Если ты хочешь, чтобы его глаза светились всю жизнь, так же, как в молодости – старайся сделать ему что-то приятное, радостное. Да хотя бы чтобы он ушел на работу в чистенькой рубашке и начищенных ботинках.

Учиться любовью

Часто спрашивают: как люди притираются друг ко другу в начале совместной жизни. А у нас и не было ничего такого. Я была глупой деревенской девчонкой – разве я знала, что такое семья? Что такое любовь? Как вести хозяйство? Как воспитывать детей? Ничего я не знала, полный ноль. Он своей любовью меня всему научил!!! А мне всегда хотелось сделать для него приятное. С каким нетерпением я ждала его возвращения домой! А он точно так же спешил ко мне.

Все домашние видели нашу встречу. Как только открывалась дверь, мы друг на друга налетали и целовались. Я ему помогала раздеться, мы начинали рассказывать, как у кого проходил день, садились за стол, держались за руки, пока не засыпали. При любой возможности мы не проходили мимо друг друга, обязательно обнимешь, улыбнешься и в завершении – поцелуй.

Для любви важно внимание

Одна женщина мне как-то удивленно сказала: «У вас уже было восемь человек детей. А вы пришли к нам, и, сидя за столом держались

за руки!». А для нас это было естественно.

Для любящих сердец – внимание своему любящему сердечку очень важно. Вот утром проснулись, он пошел умываться, а ты еще в кровати – еще хочется полежать, пока ребенок не проснулся. Думаешь: «Кто из нас застелит кровать? Я застелю! Он придет в комнату, и ему будет приятно!». Моментально вскакиваешь и все быстро делаешь, и когда видишь его благодарную реакцию, улыбку и в итоге поцелуй, все на свете можешь сделать для него. А в другой раз он для тебя встанет пораньше и точно так же старается, и ждет уже твоих глазок! И мы становимся как дети.

Все делали вместе. Если он был дома, то мы вместе молились (с маленькими детками вместе читали краткие молитвы), вместе шли завтракать. Муж помогает: я чайник ставлю, а он сыр, хлеб нарежет и так далее.

В это время обязательно подходим друг ко другу, обнимем и поцелуем. За завтраком радовались, что мы вместе сидим – тоже за ручку держимся. Детки все видят, и им передается наша радость – любовь!

Такими моментами взаимной нежности и укрепляется любовь. Недостаточно стол накрыть и пару слов бросить: «Ешь давай. Спокойной ночи. Доброе утро». Надо, чтобы супруги постоянно укрепляли любовь друг к другу.

Домашний уют дома создает жена. Над духом дома трудятся – оба! Муж видит ее заботу, трудолюбие, внимание и любовь, будет ей благодарен, и в ответ будет так же о ней заботиться. И это и есть семейное счастье и радость!

Продолжение следует.

Публикуется в сокращении

www.pravmir.ru

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

«Православие и мир» — ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: *Мария Абушкина, Анна Данилова*
Корректор: *Екатерина Сысина*
Макет, верстка: *Сергей Амиантов*
Художник: *Наталья Сажина*

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru